ЗА РОДИНУ! ЗА МХАТ! ЗА ПОБЕДУ!

С истинно русским размахом МХАТ имени Чехова отметил столетие своего театра, более вечного, чем все правители и правительства России

Независимая газета. — 1998 — 28 окт. — с. 1, 7

Григорий Заславский,
Виталий Третьяков

ТРЕТИЙ РАЗ – после субботы и вторника – мы посвящаем первую полосу газеты юбилею Художественного театра. И завтра, в четвертый раз, мы подведем итог юбилейным торжествам рассказом о торжествах во МХАТе имени Горького, которые закончились вчера поздно вечером.

Любой юбилей театра – это портрет этого театра. Но юбилей МХАТа можно сказать, – это портрет всей нашей России. И наша новая жизнь, к которой рванули в финале «Вишневого сада» Петя с Аней, и наша старая, в которой остается не только Фирс, но и все обитатели имения Раневской. Юбилей МХАТа ценен именно на фоне событий последних месяцев и даже лет, но особенно – в свете событий последних дней. Поехал президент в Австрию или не поехал – не суть важно. Да и страну не очень уж волнует. Есть, как говорится, истинные ценности (по иронии судьбы этот девиз долгие годы сопровождал счастливый бизнес Никокыбака). МХАТ важнее политических драк. Выше их. Он выше даже собственной своей истории последнего времени.

И еще, что приходит в голову в связи с торжествами во МХАТе имени Чехова России высекает. Обязательно. Хотя – и это тоже следует из праздности в Камергерском – в ней никогда не победит западная демократия, что кого-то, конечно, огорчит, а кого-то, к счастью, обрадует. Ни английского типа, ни даже более мягкого, более демократичного, просим прощения за тавтологию, французского.

Во МХАТе имени Чехова избрали открытую форму. Сначала днем пускали всех, кто пожелал их поздравить. Позже, вечером, всякий театр, в основание которого легли когда-то мхатовские «семена», мог выступить на мхатовской сцене со своим капустником. Каждый театр получал на сцене свой столик и, кажется, неограниченное количество выпивки. В зал не носили – пили в фойе. В любой момент можно было выйти из зала и пропустить рюмочку. Там, за дверями, царили иные сюжеты, которые нельзя было исключить при таком количестве выпивки. К слову, днем, когда вся труппа сидела на сцене и принимала поздравления, все встали, не сговариваясь, лишь однажды, – когда в череде спонсоров была названа винно-водочная компания. Там, в фойе, временами стоял такой пьяный мат, что никакому Станиславскому не снилось, хотя основоположник, как известно, любил нырнуть в гущу народной жизни и даже привез в Москву в пору репетиций толстовской «Власти тьмы» настоящих крестьянок... Да и как могло быть иначе, если развивать начали еще в 17.30, а в зале пришедшие начали, как спектакль, в 19.

Олег Ефремов со Звездой Героя Социалистического Труда, орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени и юбилейным тортом. Финал торжества во МХАТе имени Чехова
Фото Никиты Кобелева

Вытаращать. Наша интеллигенция частенько сторонится своего же народа, народ отплачивает ему ответной нелюбовью, хотя в такой ситуации, положим, те и другие оказались бы достойны друг друга... Было видно, что некоторые актрисы, героически не покидавшие сцену, к середине вечера держались не нотки только своим сценическим мастерством. Можно в связи с этим восхищаться мастерством операторов ОРТ, которым удавалось вовремя выводить некоторых матрон МХАТа из кадра, хотя их все время тянуло на авансцену. То надо было подхватить подаренный вахтанговцами столетник, то вдруг увидели в зале Бориса Покровского – и захотелось поделиться этой радостью со всеми присутствовавшими: «Ведь гений в зале!»

Капустник – форма актерского досуга, когда-то удачно изобретенная в Московском Художественном театре. Во дни поста собирались и под капусту веселили себя. Для своих. В темное время суток – начинали за полночь и разъезжались под утро. Многие богатые люди хотели посмотреть на досуги Качалова и Москвина, предлагали большие деньги, но их не пускали. На столетие решили пустить всех. Близких по духу.

И стало видно многое. Многое увидела и вся страна, которой показали торжественный вечер в «футбольной» записи – трансляция началась через два с половиной часа после его реального начала, когда сам вечер был еще в полном разгаре. Отчасти все так и было, как это выглядело в телевизоре: пили и закусывали, чокались, когда выходили на авансцену, и пили, возвращаясь к столу. Гуляли по-русски. Но и многое осталось за кадром.

До того, как восторжествовала идея Художественного театра как театра с корнями и ветвями (всякий его – едва ли не все московские театры, а те, что по возрасту не годятся в ветки, уложены в корневую систему, как Малый театр), много говорили, что МХАТ – сколок со всей страны. Раздел театра в 1987 году стал «репетицией» последующего «раздела» страны. Довольно-таки опасная метафора, хотя в снисходительности Ефремова к болезни президента многое объясняющая. Выйдя на сцену вместе с г-ном Ярявым и выслушав зачитанное им поздравление президента, Олег Николаевич, в юбилею – бородатый, внешне похожий на Немировича-Данченко, поднял бокал и сказал: «Вот, много сейчас говорили про болезнь президента. Болен он или не болен – желаем ему пожелаем, во-первых, здоровья, во-вторых, поблагодарим за его поздравления», а в-третьих, предложил выпить – за здоровье президента.

То, что Ельцин на юбилей не приедет, было ясно. Но «рамку» поставили, и всем гостям приходилось по нескольку раз выкладывать ключи и мелочь, чтобы не вызывать опасений службы охраны, сотрудники которой просили открывать сумки и заглядывали с фонариком в содержимое. Прислал премьер-министр Евгений Примаков. Он сидел в ложе довольно долго, но около одиннадцати все-таки покинул театр – видимо, надо было готовиться к визиту в Австрию. Хотя, по-мальчишеский журналистами в фойе, на вопрос, готова ли у него программа визита, улыбнулся хитро: «У меня всегда есть программа». А про Художественный театр – поделился детскими воспоминаниями. В Тбилиси приехал МХАТ, и мама ему сказала: сходи обязательно, может быть, это последняя возможность увидеть великих актеров. И маленький Примаков увидел тогда Качалова, Москвина. В том, что Евгений Максимович – один из немногих наших правителей, кто может отличить Качалова от Москвина (и обратно), никто и не сомневался.

(Окончание на стр. 7)

ЗА РОДИНУ! ЗА МХАТ! ЗА ПОБЕДУ!

(Окончание. Начало на стр. 1)

Но присутствие или отсутствие Ельцина вряд ли помешало бы разгульному характеру веселого и пьяного торжества. Пили без него. Пили бы и в его присутствии (и вовсе даже не потому, что «тем более»...). Впрочем, какой русский не справляет именно так свой юбилей? А МХАТ-то у нас, слава Богу, пока еще Международному валютному фонду не подчиняется.

Олег Николаевич не стал надевать по торжественному случаю смокинг, он был одет в двубортный костюм. На левом лацкане красовалась Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, на шее висел крест – «За заслуги перед Отечеством», полученный к собственному 70-летию. Он часто выходил на авансцену – с бокалом и без него, с кем-то выпивал, обещал держаться, но сразу же попросил снисхождения, если до конца держаться не получится. Голос Ефремова сопровождал весь вечер – даже когда он покидал сцену, некоторые слова его были слышны благодаря неотключаемому микрофону. Великий человек праздновал юбилей своего родного дома. Подобно Вершинину, Ефремову все время хотелось философствовать. Он что-то говорил про раздел, про 20-е годы, когда селедка стоила целое состояние (в это время его с микрофоном в руке ждала ужс объявленная» Галина Волчек). Иногда путался в датах (вдруг сказал, что «Принцесса Турандот» вышла в 20-м, в Станиславский с 24-го года не ставил драматических спектаклей). Кто-то в это время куражился в зале – мол, пускай говорит, коли ему хочется. В смысле – в последний раз?

Что касается раздела, то наиболее неуместной и грубой шуткой следует счесть выход актрисы МХАТа имени Чехова Егоровой в паричке и в костюме Натальи Прозоровой – явный намек на Татьяну Доронину. С придыханием она закричала: «Почему здесь чайка?» и пообещала заседить Камергерский цветочками. Софья Станиславовна Пилявская, которая сидела за столиком на сцене, смотрела на все происходящее с нескрываемым презрением.

Ангелина Иосифовна Степанова в невообразимо молном, изящном платье, наоборот, была снисходительна и даже пожелала театру счастливого второго столетия. И рассказала про Куприяныча, который одевал Станиславского. Стоя за сценой, он держал тяжелую шапку и скипетр Шуйского и в нужный момент говорил односложно: «Наклонись... Бери.. Иди..»

Сам вечер получился длинным. Да иначе и не могло выйти. Просили всех уложиться в пять минут со своими капустниками, но, конечно, люди культуры не могли удержаться и не потянуть одеяло на себя.

Были куклы Станиславского и Немировича-Данченко, которые иронизировали по поводу нового базара – уже не в ресторане, а в зале, – но явно не славянского (смех в зале). Был корень, который вынесли и положили на сцену, а потом поливали Ольга Лепешинская и Андрей Гончаров. Был замечательный – царский – выход актеров Малого театра. Пять царей во главе с Юрием Соломиным – Николаем. Вторым приветствовали соседей-художественников. Было остроумное поздравление актеров РАМТа. Было балетно-вокальное сочинение на тему «Гаудеамус игитур... » – от Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, когда на понятно что заранее срепетированных словах «виват президентам» користы обратили свои руки к ложе, где сидел премьер Примаков. Казется, это первый случай, когда Примакова назвали президентом. Были лошади Дурова. Вернее, кони, как быстро смогли убедиться сидящие в первых рядах дамы. И сама Дурова, которая, поздравив Ефремова, «вспомнила про моря, дорогого Юрия Михайловича Лужкова, бесконтрольно пояснив: «Ты-то уже построил все, а мне еще строиться!» Хазанов, который одеся милицейскою начальником и рассказал все про преступления и преступность, разложив все спектакли МХАТа «по полочкам» – по статьям, – и «Живой труп», и незаконную охоту в «Чайке». Сергей Соловьев, который зачем-то решил предварить кинокапустник нарушив общий тон вечера, он выступил с официальным приветственным словом. И государственный Никита Михалков, который долго ходил на задах сцены с мобильным телефоном, а в нужный момент вышел с сумкой на сцену – подарить Ефремову антикварную пороховницу «Будем держать порох сухим», – нашелся Ефремов.

Труппа МХАТа имени А.П. Чехова сегодня.

Самым пронзительным было выступление артистов МХАТа имени Горького во главе со Светланой Коркошко, которая «от себя» поблагодарила за этот юбилей, позволивший ей снова ступить на эту сцену, в Камергерском.

Самым отвратительным – поздравление драматического театра Станиславского. Разыгравшись, один из актеров настолько позабыл про закон «четвертой стены» Станиславского, что совершенно реалистически сплюнул прямо в зал и попал в девушку, которая сидела в первом ряду. Мерзавцу нужно было бы набить морду, да девушка, к его счастью, оказалась без кавалера, который мог бы вступиться за ее честь.

Была Майя Плисецкая с номером, уже показанным на другом столетии – Пушкинского музея, – выходившая (как и там) на поклоны так величественно и так долго, как будто ей, в не МХАТу исполнилось сто лет.

Среди удачных поздравлений – заявления «ленкомовских» звезд, моливших Ефремова принять их в труппу МХАТа, письмо Ленина–Калягина к съезду СТД. Очень смешное «письмо», к слову, лишний раз доказавшее не только талант Михаила Шатрова (он, можно сказать, был одним из триумфаторов вечера), но и непреходящую ценность ленинского слова, всесильного и верного, как учение Маркса. «Никто не в силах скомпрометировать МХАТ, если он сам себя не скомпрометирует». Хорошо было придумано и поздравление «Современника» – от «билетеров и кложарных».

Последним МХАТ поздравлял «Табакерка». Табаков просто вывел на сцену свою звезд, те вывезли торт, который чудом остался цел, сдав не разрушенный упавшими за сценой декорациями. Торт поставили и начали было поднимать, но тут оказалось, что половина тележки поднимается, а половина осталась на неподвижной части сцены. Торт стал заваливаться, и Ефремов вызвался его поддержать. В результате между кремом на шее и Звездой Героя Ефремов оказался вымазанным в креме – как герой французской комедии. Да, гуляли по-русски. Иначе и быть не могло – ведь особенно разгуливаются в России, когда неясно, что за власть на дворе и какая еще будет.

Доронина не пришла поздравить Ефремова. Как только будет дописана и сверстана эта статья, мы отправимся на тот же праздник, но во МХАТ имени Горького. И наверняка не один мы думаем сейчас: а придет ли Ефремов? Казалось бы, он должен отметить по принципу «око за око» и оставить без внимания «чужой» юбилей. Но, во-первых, любимый нами, как и всей страной, гениальный русский актер и выдающийся русский режиссер Олег Ефремов известен широтой своей души, что он продемонстрировал, к слову, на вечере в Камергерском. Во-вторых, Доронина все-таки женщина, а Ефремов – все-таки мужчина, и первый шаг к настоящему примирению (мы ни в коем случае не призываем к воссоединению – только к примирению) должен сделать, наверное, он.

Олег Ефремов, Евгений Самойлов и Мария Мейерхольд, внучка режиссера.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

В конце хочется вернуться к удачно переиначенным ленинским словам. По нашей информации, уже сегодня Ефремов собирается объявить о планах переустройства МХАТа имени Чехова. Без чего, конечно, в новое столетие входить никак нельзя. Ефремов собирался дотянуть до юбилея. Юбилей прошел, и вот он готов к новым реформам. Что это будет – Товарищество ли, о котором так много говорилось в прошлом году? Новое очищение от балласта?

Лишь бы делу на пользу. Про бабушку Шкловского – история известная. Она умерла, ее одели и положили на стол. И ушли из дома. А в это время вернулся доктор. Долго звонил. Бабушка всегда открывала дверь сама. И мозг, который еще не отключился, заставил бабушку подняться и открыть дверь. И прожила потом еще до самой революции. Долго еще. Второго ли МХАТ подвиг бабушки Шкловского – это вопрос.

В заголовок статьи вынесена, между прочим, не наша собственная мысль. Но то, с которой мы абсолютно согласны. Которую, может быть, стоило бы сформулировать как некоторое приближение к новой государственной идеологии. И произнес эти слова левитановским голосом актер «Современника» Михаил Жигалов, по-мхатовски не выходя из образа театрального пожарного.

Так победим!